

Делію и Симоиду, и по той-же причинѣ. Я и Донатъ беспокоюся о тебѣ, не случилось ли и съ тобой того-же, пишетъ онъ Боккаччо 20-го сентября, иначе ты не оставилъ бы насъ въ неизвѣстности и тревогѣ. Если ты живъ, тебѣ нѣтъ извиненія, если, напротивъ, всякая надежда потеряна, какъ говоритъ *Виргилій* ¹⁾, у тебя есть оправданіе, счастливое для тебя, плачевное для насъ. Итакъ будь здоровъ, и надолго, коли ты въ живыхъ; если тебя нѣтъ, прощай на вѣки ²⁾.

III.

Боккаччо молчалъ, переживая впечатлѣнія неаполитанской поѣздки, отъ которыхъ не освободили его ни дружескій пріемъ Петрарки, ни веселія и умныя бесѣды въ гондолѣ канцлера Бенинтенди. Въ концѣ 1363-го года и весь слѣдующій годъ онъ живетъ въ Чертальдо: флорентійскіе порядки ему опротивѣли, онъ видитъ все въ черномъ свѣтѣ, да и въ матеріальномъ отношеніи въ Чертальдо ему легче было существовать; но это не та желанная бѣдность, о которой онъ мечталъ, какъ о спутницѣ поэтическаго *otium*'а. Онъ упалъ духомъ; изъ тысячи человѣкъ ты единственный, который увлекается при оцѣнкѣ своихъ собственныхъ трудовъ не любовью, а презрѣніемъ и ненавистью, писалъ ему Петрарка 28-го августа 1364-го года ³⁾, укоряя его не въ скромности, а въ гордости. До Петрарки дошли слухи, что бѣдные поэты-сказители, жившіе плодами чужой музыки, встрѣчаютъ у Боккаччо всегда отказъ, потому что онъ сжегъ свои итальянскіе стихотворенія. Къ чему это? Одни объясняли, что онъ будто-бы собрался ихъ переработать въ болѣе серьезномъ, зрѣломъ стилѣ ⁴⁾. Но что хотятъ передѣлать, того не

1) Aen. I, 555: *sin absumta salus*.

2) Sen. III, 2.

3) Sen. V, 2; см. выше стр. 128, 365 прим. 2.

4) Ut.... *praesenti solido et jam cano ingenio reformares*.

сжигаютъ. Донато открылъ Петраркѣ настоящую причину: когда Боккаччьо прочелъ итальянскія стихотворенія Петрарки, не только пересталъ писать въ томъ-же родѣ, но и уничтожилъ написанное. Это и заставляетъ обвинить его въ униженіи паче гордости. Я понимаю, что по скромности ты не притязалъ на первое мѣсто среди итальянскихъ поэтовъ, пишеть ему Петрарка; но предположимъ, что я превосхожу тебя, я, который почелъ бы за честь быть тебѣ равнымъ; предположимъ, что художникъ нашего роднаго слова ¹⁾ (Данте) тебя выше; кто не терпитъ, чтобы ему предпочли одного или двоихъ, во всякомъ случаѣ немногихъ, обнаруживаетъ, пожалуй, болѣе гордыни, чѣмъ еслибы притязалъ на первое мѣсто. Мнѣ говорили, что тотъ равенскій старецъ, хорошій судья въ подобнаго рода вопросахъ ²⁾, всегда отводитъ тебѣ третье мѣсто; я охотно уступлю тебѣ второе; но еслибы кто либо призналъ, справедливо или нѣтъ, что я въ чемъ-нибудь тебя превосхожу, неужели ты устыдился бы идти рядомъ со мною? Въ такомъ случаѣ я обманулъ въ твоей скромности, въ твоей любви ко мнѣ: вѣдь любящимъ пріятно, если любимые ими ихъ превзошли, лучше ихъ. Когда-то я надѣялся, и еще надѣюсь, что я буду тебѣ, не скажу, дороже сына, но дороже тебя самого, мое имя дороже твоего собственнаго; ты самъ говорилъ мнѣ о томъ (не намекъ ли на извѣстное письмо Боккаччьо о Данте?). Если тогда ты былъ искрененъ, ты долженъ былъ-бы радоваться, что я опередилъ тебя, и, не покидая поприща, изо всѣхъ силъ слѣдовать за мною, дабы никто не сталъ между нами. — И Петрарка подсказываетъ Боккаччьо извиненіе: онъ, очевидно, уничтожилъ свои стихотворенія по той-же причинѣ, которая побудила и Петрарку отказаться отъ итальянской поэзіи и обратиться къ латинской рѣчи, чтобы избѣжать кривыхъ толковъ и зависти презрѣнной, ничего непонимаю-

1) *Nostris eloquii dux vulgaris.*

2) Можетъ быть, общій знакомый Боккаччьо и Петрарки, Менгино Меццани; см. выше т. I, стр. 376; II, 106.

щей толпы; это та-же точка зрѣнія, что и въ отвѣтѣ Петрарки на письмо по вопросу о Данте ¹⁾. Не только толпы, но и людей, считающихъ себя учеными, властителей, преданныхъ сну и нѣгѣ, діалектиковъ новѣйшей формации, осуждающихъ Платона и Аристотеля и критикующихъ слогъ Виргилія, наконецъ людей, для которыхъ Амвросій, Августинъ и Иеронимъ — болтуны, ап. Павелъ — пустословъ: это аверройсты, представители средневѣковаго раціонализма и религіознаго скепсиса, видѣвшіе въ гуманизмѣ одно пустословіе. Петрарка спорилъ съ ними и выходилъ изъ себя: одного изъ нихъ онъ вышвырнулъ изъ комнаты ²⁾; четверо другихъ, посѣщавшихъ его въ Венеціи, составили въ 1366-мъ году забавно-торжественный приговоръ, что Петрарка — неучъ; онъ отвѣтилъ имъ въ 1368-мъ году трактатомъ «О своемъ и чужомъ невѣжествѣ».

Судя по письму Петрарки, Боккаччо находился въ томъ-же состояніи нравственной подавленности, какъ когда въ 1355-мъ году онъ отрицался званія поэта ³⁾; къ тому-же онъ хворалъ и, по недостатку средствъ, принужденъ былъ обойтись безъ помощи врача. Петрарка горячо привѣтствовалъ его выздоровленіе, и его письмо отъ 10-го декабря 1364-го года ⁴⁾ — сплошная обвинительная рѣчь противъ медиковъ; лишь въ концѣ онъ говоритъ о Леонтіѣ Пилатѣ и своемъ намѣреніи не вызывать его къ себѣ. — Прихварывалъ и Петрарка, но весело шутилъ надъ постигшимъ его недугомъ (чесоткой) и бодро звалъ къ дружеской бесѣдѣ. Долго мы молчали, — такъ начинается одно его письмо къ Боккаччо, безъ даты; и въ молчаніи, какъ и въ пріятной бесѣдѣ, есть своя прелесть; но какъ-бы не зайти намъ слишкомъ далеко! Вѣдь у насъ всегда найдется о чемъ поговорить: небо и земля и море и все, что въ нихъ есть, особенно человѣкъ, чудо искусства матери-

1) Сл. выше стр. 285.

2) См. то-же письмо.

3) Сл. выше стр. 201—2.

4) Sen. V, 3. Сл. выше стр. 364.

природы, совершеннѣйшее и гнуснѣйшее изъ животныхъ, то подобный ангеламъ, то болѣе жестокой, чѣмъ ядовитый аспидъ¹⁾.— Для Боккаччо этой альтернативы не было; его пессимизмъ окрѣпъ съ годами, поддержанный печальнымъ опытомъ, и самъ онъ очутился въ его освѣщеніи: бѣдный, смиренный старикъ, онъ поетъ въ Чертальдо свои послѣднія пѣсни, гордый своей свободной бѣдностью. Такъ изображаетъ онъ самъ себя въ XVI-й эклогѣ. Она названа: *Angelos*, вѣстникъ; вѣстникъ приводитъ къ Донату бѣдно-е стадо Церретія (Боккаччо), всего пятнадцать козъ-эклогъ. Таковъ уже знакомый намъ отчасти планъ эклоги²⁾; бесѣдуютъ *Angelos* и *Arpenninus* (Донато). Что это за стадо? спрашиваетъ Апеннинъ, глумясь надъ его тощимъ видомъ: ужъ не пасъ ли его въ долинахъ Амфриза Аполлонъ, когда, изгнанный съ неба, онъ сталъ пастыремъ? Смотри, какъ бы твоихъ козъ не сглазили, захирѣютъ! — Знаю я, Апеннинъ, что у тебя коровы тучныя, но пожалѣй же и моихъ бѣдняжекъ; помни, что фортуна завистлива къ счастью. — Да, я былъ неправъ; но куда-же бредешь ты съ малымъ стадомъ, всего пятнадцать козъ? Останься здѣсь здѣсь хорошо. — Я пришелъ по приказанію, тебѣ велѣно доставить все стадо, послалъ меня бѣдный Церретій. Вѣдь ты знавалъ нашего этрусскаго старца? — Помню я его, когда, пребывая въ пещерѣ равенскаго циклопа³⁾, онъ бродилъ по лѣсамъ, отдыхая отъ трудовъ⁴⁾, видѣлъ его, когда онъ посѣтилъ венетскіе холмы (Венецію въ 1363-мъ году)⁵⁾. Но что мнѣ дѣлать съ козами? У нихъ только кости да кожа. Ихъ послать бы Сильвану (Петраркѣ), онъ знаетъ, какъ помочь; никому богиня Палесъ не дала такой власти въ поляхъ, какъ ему⁶⁾; его

1) *Sen.* III, 5.

2) Сл. выше стр. 60—1.

3) *Bernardino di Poenta*, сл. выше стр. 60.

4) *Nostrisque sub antris—Nonnumquam duros solitum recreare labores, Dumque ravenatis Cyclopi staret in antro—Et fessus silvas ambiret saepe palustres.*

5) Сл. выше стр. 463, 495.

6) *Non Archa sicutusve fuit, non Ismarus olim,—Non italus pastor, cui tantum juris in agris—Alma Pales dederit.—Ismarus = Орфей.*

чтутъ фавны и нимфы, мужи, лѣса, пещеры и источники; ему, тосканцу, открыты писанія боговъ, молчаливыя сѣни Дита. — Стыдно было посылать такому пастырю столь малый подарокъ, ему, который пріобыкъ пасти царскія и звѣздныя стада. А какъ его любить, какъ свято чтить Церретій! Поеть-ли, шепчетъ-ли, у него всегда на языкѣ Сильванъ, онъ ему отецъ и господинъ, его великая, единственная надежда. Но и на тебя надежда, Апеннинъ: во имя музъ, не отвергай дара; козы тощи, не молочны, но молоко пресладкое, и оно тебѣ понравится¹⁾. — Скажи же, отчего у нихъ столь жалкій видъ²⁾, чтобы можно было ихъ уврачевать? — Есть у насъ на верху горы Церрета³⁾ пустынная, безлѣсная пастбища⁴⁾, голоднымъ козамъ приходится глотать обросшія мохомъ ветлы⁵⁾ да богородицкую траву, проросшую сквозь старыя раковины. Оттого онѣ и стали таковыми; воды Эльзы окаменили ихъ⁶⁾ и обезкровили; ты ихъ сдѣлаешь тучными, Сильванъ поможетъ совѣтомъ. — Если вашъ Церретій живетъ тамъ, то противъ нашего желанія; что только сѣть старикъ, къ чему трудится, разбивая мотыкой пашню, уже истощенную другими? Я такъ думаю, не удерживаетъ ли его, неразумнаго, побѣдная любовь⁷⁾? Старику пора бы отказаться отъ юношескихъ проказъ: когда то, еще полнаго силъ, его провела Галатея, теперь его замучить кривая Діона⁸⁾. — Успокойся, старику не до того, ему даже больно вспомнить, что онъ долго увлекался Ликорисъ. Но что ему и дѣлать, какъ не сидѣть на родныхъ поляхъ? Нѣтъ у него ни стада, ни пастбищъ; или сидѣть сложа руки, или па-

1) *Nec multum lactis habentes, Sed praedulce quidem, pomisque favisque Menalcae — Si gustant latii, si gustes ipse parumper — Praepones.*

2) *Sordis.*

3) *Cerreti montis*: Чертаaldo.

4) *Pascua sunt nobis Cerreti montis in umbra. Neu sterili nimium nullis frondentia lucis.*

5) *Salices.*

6) Сл. выше стр. 444.

7) *Timeo non saeva Dyones — Occupet insanum.*

8) *Lusit Galatea potentem Viribus, enervem faciet quid lusca Dyones.*

хать. — Всего намъ не узнать ¹⁾, не знаешь, видно, и ты, какъ часто Сильванъ звалъ къ себѣ Церретія издалека и лично ²⁾, предлагая ему стада, тихое убѣжище въ лѣсахъ Лигурія (Миланъ) и на пастбищахъ древняго «гуся» ³⁾ и на плодоносномъ Евганеѣ (Падуя) и на венецкомъ заливѣ (Венеція). Чего желать тебѣ большаго? Къ нему приходили послушать его пѣсенъ сиканскіе (король Робертъ) и диктейскіе (?) властители, кипрійцы ⁴⁾ и великіе квириты, сатиры и фавны, нимфы и богини; самъ Панъ сломалъ въ удивленіи свою цѣвницу—а нашъ бѣднякъ ⁵⁾ имъ гнушается! Гдѣ же его любовь, гдѣ уваженіе, если онъ отказывается отъ приглашенія? Пусть придетъ, а грубымъ крестьянамъ предоставитъ засѣвать отеческія поля.—Какъ часто обманываетъ незнающихъ неразумное желаніе! Самъ ты сказалъ, что не всѣмъ все знать ⁶⁾. Вонъ онъ тихій, скромный, живетъ въ деревнѣ, а недавно еще отказался начертать на хартіи любовь, воспѣтую Эгономъ ⁷⁾; его помыслы выше, онъ считаетъ себя способнымъ на лучшее ⁸⁾. Недавно, когда солнце палило поля, оба мы усѣлись подъ зеленымъ дубомъ ⁹⁾, посвященнымъ Церерѣ; я первый началъ рѣчь: Что-же, ты такъ и будешь здѣсь собирать на пустыхъ поляхъ

1) Non omnia novimus omnes.

2) Viva voce.

3) Pascua ruris—Anseris antiqui. Anser или Aesaris: нынѣ Serchio?

4) Петръ Лузиньянъ I былъ въ Венеціи въ декабрѣ 1362 по 2 генв. 1363 (дальвѣйшій путь черезъ Местре, Падуя, Верону и т. д.) и съ 11 ноября 1364 по конецъ іюня 1365 года. Сл. письмо Петрарки къ его канцлеру Филиппу де Мезьеръ, Sen. XIII, 2 и Mas-Latrie, Hist. de l'île de Chypre II, стр. 239—41, прим. 1.

5) Pauper noster.

6) Ignaros quoties heu fallit caeca voluptas!
Dixisti nuper: non omnia novimus omnes.
Et merito nostro saeva si rusticus Ammon
Peste boves mediis pinguis consumpsit in arvis,
Pectoris ardentis multum sibi cessit Apollo.
Quem tacitum и т. д. Вѣроятно, аллегорія на чуму.

7) Quem tacitum mitemque vides et rura colentem, Noluit Aegonis nuper describere dulces—Pellibus is pecudum, quos ipse canebat amores.

8) Dum maiora leget, dum se maioribus aptum—Aextimat.

9) Illice.

гнилыя ракушки? Почему не примешь предложенія Сильвана? Онъ такъ часто звалъ тебя.—Онъ долго молчалъ, оставивъ глаза въ лецину. Кто все объщаетъ, ничего не даетъ, началъ онъ. Такъ было у меня когда-то съ великимъ Эгономъ, съ Мидасомъ, когда я былъ помоложе ¹⁾; я, довѣрчивый, поспѣшилъ въ его лѣса, привѣтствовалъ Гавръ и знаменитые своими источниками Байи—когда увидѣлъ, что пастбища приготовлены не для быковъ, а для мелкаго скота и бѣднаго пастыря ²⁾). Благодушный Стильбонъ приютилъ меня въ своей пещерѣ, а Мидасъ допустилъ это и не только не далъ пастбищъ, но не звалъ и къ обѣду. Я дивлюсь и негодую и думаю себѣ: Что еслибъ я безъ его разрѣшенія вступилъ въ лѣса или мои свиньи забрели въ готовое для жатвы поле, козлы въ виноградникъ? Вѣдь никакія воды не омыли бы меня, коли и теперь, когда я былъ вызванъ, мною пренебрегаютъ, невиннымъ! Пусть остаются при Мидасѣ его пастбища, на которые взираетъ широко-разлегшійся Везевъ, я счастливъ моимъ бѣднымъ полемъ. Такъ я обратилъ свои стопы и поспѣшилъ вспять. Часто Аркадецъ ³⁾ бралъ въ свои тенета маѣналійскихъ волковъ и медвѣдей и снова выпускалъ въ лѣсъ; всѣ мы, увы, тревожимся желаніями; коли исполнятся, мы довольны, а дагѣ ихъ забываемъ ⁴⁾. Что если и Сильванъ поступилъ бы со мною такъ же? Вѣдь лучше было бы умереть? Не разумно искушать боговъ. Панъ далъ мнѣ многое, и я доволенъ его даромъ: лѣсные орѣхи мнѣ пищей, источникъ утоляетъ жажду, дубы подаютъ тѣнь, ворохъ вѣтвей ложе, мѣха ⁵⁾ прикрываютъ истощенное тѣло ⁶⁾; ко всему этому до-

1) *Omnia qui profert nil dat, mihi maximus Aegon—Jam dixit, Midas pridem dum fortior aetas—Jusserat illud idem(?)*

2) *Parvoque subulco.*

3) *Archaas.*

4) *Maenalios persaepe lupos ursosque coegit — In laqueos exire suos sudoribus Archaas, Post haec captivos nemori solvebat aperto. Jam sat, heu, votis sic angimur omnes, Et si succedant satis est, hinc linquimus ultro.*

5) *Lapposaque vellera.*

6) *Corporis offoeti.*

рогая, великая свобода ¹⁾, взыскавшая меня старика ²⁾, хотя и поздно.

Онъ кончилъ; я ничего не отвѣтилъ, говорить Ангелъ; да и кто-бы могъ возразить? Ты-же, Апеннинъ, прими мой бѣдный даръ.

Эклога написана въ Чертальдо, можетъ быть, еще въ концѣ 1363-го года, какъ бы въ отвѣтъ на посланіе Петрарки отъ 7-го сентября ³⁾. Онъ звалъ къ себѣ друга въ Венецію, но Боккаччо боится новыхъ опытовъ, боится искусить боговъ; ему страшно отъ одной мысли, что Сильванъ-Петрарка можетъ поступить съ нимъ, какъ поступилъ Мидасъ-Аччъяйоли, принудившій его поселиться къ благодушному Сильбону: очевидно, тому пріятелю-купцу, о которомъ говорится въ посланіи къ Нелли. Въ XIII-й эклогѣ Сильбовомъ (прозвище Меркурія въ Генеалогіяхъ боговъ), названъ какой-то генуэзскій купецъ ⁴⁾; Сильбонъ VI-й эклоги, какъ будто, поэтъ ⁵⁾. Эгонъ загадоченъ; Боккаччо не захотѣлъ воспѣть его любовь: это напоминаетъ подобныя-же ожиданія Мидаса-Аччъяйоли въ VIII-й эклогѣ и посланіи къ Нелли ⁶⁾. Галатея возвращаетъ насъ къ далекой памяти о Фьямметтѣ ⁷⁾, но интересенъ психологическій поводъ къ ея упоминанію: Боккаччо все еще не забылъ въ себѣ стараго грѣшника и волокиту, и это болѣзненное сознаніе, съ выраженіемъ котораго мы еще встрѣтимся, онъ невольно, можетъ быть, подозрительно переноситъ въ сознаніе другихъ. Оттуда неожиданный вопросъ Аппеннина: ужъ не любовь ли удерживаетъ старика въ Чертальдо? И Боккаччо открещивается: когда то увлекала ⁸⁾ его Галатея, затѣмъ какая-то Ликорисъ; теперь не до того.

1) Dulcis et ingens — Libertas.

2) Inertem.

3) Сл. выше стр. 211, 498—9.

4) Сл. выше стр. 58—9.

5) Сл. выше т. I, стр. 386.

6) Сл. выше стр. 479—80, 491, 493.

7) Сл. выше т. I, стр. 117 слѣд.

8) Lusit.

Хронологія XVI-й эклоги позволяет намъ разобраться въ послѣдовательности работъ Боккаччо въ 1363—4-хъ годахъ ¹⁾. Посвященіе *De Claris Mulieribus* Андреѣ Аччяйюли написано во всякомъ случаѣ позже эклоги, вѣроятно, также въ Черталдо, отсюда, быть можетъ, и письмо къ *del Muglio* ²⁾; *De Casibus* окончено: оно отвѣчало пессимистическому настроенію автора. Боккаччо чувствовалъ себя одинокимъ, непризнаннымъ, почти изгнанникомъ, черпающимъ силу въ сознаніи своего достоинства и личной свободы; жизненные недочеты и прирожденная любовь къ независимости, угловатая и непокладистая въ практической жизни, все это отложилось для него въ идеалъ горделивой бѣдности, видимо самоодовольной и смиренно-величавой. Въ такомъ настроеніи онъ написалъ въ Черталдо свою біографію Данте: въ извѣстномъ смыслѣ это исповѣдь самого Боккаччо, какъ и его увѣщательное посланіе къ Пино деи Росси ³⁾ на тему дантовскаго письма къ другу: что для доблестнаго человѣка всякія положенія безразличны, онъ найдетъ вездѣ, ибо ему отечество — міръ ⁴⁾.

Мы уже знаемъ ⁵⁾, что Пино деи Росси, пріятель Боккаччо, былъ изгнанъ въ 1360-мъ году, но Боккаччо не спѣшилъ писать ему, потому что, говорить онъ, всему свое время, и пока горе свѣжо, утѣшеніе не принесетъ пользы. Теперь Пино сжился съ необходимостью и можетъ выслушать утѣшенія бѣдняка ⁶⁾ безъ положенія и авторитета; если онъ принесутъ пользу, онъ будетъ радъ, если нѣтъ, то ему не въ новость даромъ тратить плоды своихъ усилій.

Увѣщательное письмо Боккаччо разрабатываетъ риториче-

1) Сл. выше стр. 211 слѣд.

2) Сл. выше стр. 81: съ рекомендаціей одному пріору изъ Черталдо; скоро-ли попаду я къ тебѣ въ Падую, пишетъ Боккаччо — не знаю.

3) *Corazzini*, стр. 67 слѣд.

4) *Il mondo... essere una città*; сл. въ *Filocolo II*, 908 увѣщаніе къ Филено: *conpiossiesozachè il mondo sia una città a tutti*.

5) Сл. выше стр. 454.

6) *Mendicante*.

ски, по хрїямъ, положеніе, что можно быть счастливымъ въ несчастїи, съ массой общихъ мѣстъ, навѣянныхъ Сенекой ¹⁾, и прїемѣровъ, которые подсказали ему его собственные *De Casibus*.

Даже люди сильные духомъ бываютъ поражены, когда внезапно обрушится на нихъ несчастье; такъ, слышалъ я, было и съ тобою. Я этому не удивляюсь, но человѣку разсудительному подбаетъ не поддаваться ударамъ судьбы, а оправившись, внять внушенїямъ разума и опыту другихъ, не лживымъ сужденїямъ, толпы. Еще древнїе философы сказали, что наше отечество — весь мїръ ²⁾, гдѣ бы ни пришлось очутиться мудрому, онъ всегда у себя: вездѣ годъ распадается на четыре времени, солнце встаетъ утромъ и заходитъ вечеромъ, нѣтъ мѣста, гдѣ-бы огонь былъ холоденъ, вода суха; отъ юга до сѣвера вездѣ одинаково почтены добрые нравы и законы природы вездѣ для насъ одинаковы. Съ этой точки зрѣнїя то, что зовется изгнанїемъ, не болѣе какъ перемѣна мѣста ³⁾. Новые нравы и обычаи не должны пугать и вмѣняться въ тягость: если къ нимъ приучаются дѣти, то тѣмъ болѣе люди разумные; финикїйцы, масилы ⁴⁾, освоились на новыхъ осѣдлостяхъ; стоитъ только вжиться въ мысль, что Пино переселился не по принужденїю, а по собственной волѣ, и ему будетъ легче. — Скажутъ иныя: дома онъ занималъ высокое положенїе, котораго лишился; тому, кто потерялъ незаслуженное положенїе, не о чемъ скорбѣть, доблестный человѣкъ можетъ быть увѣренъ, что добродѣтель вездѣ чтится (Коріоланъ, Алкивїадъ, Аннибалъ). Многіе изъ нашихъ гражданъ стали именитѣе на чужбинѣ, чѣмъ у себя дома; такъ можетъ быть и съ тобою.

1) *Ad Helviam matrem De consolatione*.

2) *Сл. Cic. De leg. I, c. 23, 61; Par. II, 18; Tusc. disp. V, 37, 108.*

3) *Sen. Dial. XII, VI, 1: quid sit exilium: nempe loci commutatio; VIII, 1: quocumque venimus, eadem rerum natura utendum est.*

4) *Sen. l. c. VII, 3: Graii, qui nunc Massiliam incolunt... trucibus et inconditis Galliae populis se interposuerunt=I Marsigliesi lasciata la loro nobile città in Grecia ne vennero tra l'alpestri montagne della Gallia e tra fieri popoli a dimorare.*

Но положимъ, дѣло идетъ не о перемѣнѣ мѣста, а объ изгнаніи. Ты не первый, и не послѣдній; припомни примѣры другихъ изгнанниковъ (Кадмъ, Сарка, царь молоссовъ, тираннъ Діонисій и др.), имъ пришлось хуже, ты не помѣняешься съ ними; напротивъ, почтешь себя счастливымъ, что не видишь нашихъ городскихъ порядковъ. На нихъ тошно смотрѣть, таковы нравы тѣхъ, въ руки которыхъ, благодаря неразумію и злокозненности ихъ предшественниковъ, перешли бразды правленія. Что отъ нихъ отдаютъ деревенщиной¹⁾ и они прошли къ власти прямо отъ сохи и лопаты—не въ томъ бѣда; такихъ примѣровъ много (Серранъ, Цинциннатъ, Марій), ибо души не всегда посылаются Богомъ въ соотвѣтствующія имъ общественныя положенія²⁾; но тѣ люди полны любостыжанія и гордыни, гнѣва и зависти, довели до крайности и доведутъ до потери свободы городъ, который мы называемъ нашимъ и стыдно будетъ признать своимъ, если дѣла не измѣнятся. Обжоры, кабачники, распутники стоятъ у кормила, а невѣжды считаютъ ихъ порядочными людьми, потому что они принимаютъ важный видъ, внушительно молчатъ, отираютъ ноги о фрески³⁾, суетятся, точно радѣютъ объ общемъ благѣ, а сами не умѣютъ пересчитать, сколько пальцевъ на рукѣ, хотя великіе мастера въ грабежѣ и мошенничествѣ⁴⁾. Все это ты самъ видѣлъ и слышалъ и испыталъ, и мнѣ больно, что послѣ всего этого ты еще жалуешься на изгнаніе. Да тебя нужно было самому бѣжать, чтобъ не видѣть этой мерзости, какъ Демокритъ и оба Сципіона; еслибъ я смѣлъ, на ряду съ славными, упомянуть и мое смиренное, бѣдное имя, я сказалъ бы, что именно по этой причинѣ я покинулъ Флоренцію и живу въ Чертальдо; я ушелъ бы куда нибудь и подальше, еслибы то позволила моя бѣдность.

Говорять: въ изгнаніи теряешь друзей, родныхъ, сосѣдей. О

1) Chi da Capalle, quale da Cilicciavole, e quale da Sugame o da Viminiccio.

2) Non simili alle fortune piovano da Dio gli animi ne' mortali.

3) Grattando i piedi alle dipinture.

4) Barattare.

последнихъ заботиться нечего, друзья — другое дѣло; но ты можешь утѣшиться хотя бы мыслью, что случай далъ тебѣ возможность распознать настоящихъ друзей отъ ложныхъ, ибо въ несчастіи познаются друзья (Орестъ и Пиладъ, Тезей и Перитой, Низъ и Евріалъ), и ты ясно поймешь, въ какой опасности ты обрѣтался, довѣряясь, кому не слѣдуетъ. Личное присутствіе въ дружбѣ не главное дѣло: съ друзьями ты можешь бывать душой, можешь говорить съ нами, спрашивать, совѣтоваться, и они отвѣтятъ, какъ тебѣ нужно, какъ тебѣ хочется, безъ пререканій, лучше и пріятнѣе, чѣмъ еслибы они присутствовали лично. — Это то-же признаніе воспроизводящей силы фантазіи, какъ когда-то въ вопросахъ любви при отсутствіи любимаго предмета ¹⁾. — Къ тому-же друзья заботятся о тебѣ въ твоёмъ отсутствіи, стараются помочь тебѣ, чего ты не могъ-бы сдѣлать лично; а письма поддерживать между вами связь, перо замѣняетъ слово. Такимъ образомъ, друзья всегда съ тобою.

Ты потерялъ отцовское и пріобрѣтенное тобою состояніе. Но что за неразуміе заставляетъ людей помышлять о стяжаніи! Развѣ не лучшее бѣдность, свободная, беззаботная, побуждающая къ труду? Боккаччьо словословить ее, какъ словословилъ не разъ ²⁾, какъ защищаетъ ее, въ утѣшеніе матери, Сенека; флорентійцы заражены любостяжаніемъ, наши пріоры стали епископами, провизируетъ Боккаччьо, намекая на обычай наказывать лихоимцевъ, надѣвая на нихъ позорную митру ³⁾; позорно и то, что въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій одинъ лишь гражданинъ прославился честной бѣдностью, за то по смерти ему возданы были царскія почести: это Альдобрандино Оттобони, котораго Боккаччьо назвалъ въ своей рабочей тетради вторымъ Фабриціемъ ⁴⁾. Бѣдностью стояла римская имперія, богатства привели ее въ настоящее

1) Сл. выше т. I, стр. 166.

2) Сл. выше стр. 199—200.

3) Mitriati.

4) Сл. выше стр. 103.

положеніе, когда она нѣчто лишь по имени, безъ содержанія ¹⁾. Если ты такимъ-же остался, какимъ я тебя считалъ, грубый, простой охабень ²⁾ будетъ тебѣ къ большому почету, чѣмъ драгоценныя одежды.

Одною честью, скажутъ, не проживешь, дочерей замужъ не выдашь. Это—по нынѣшнимъ нравамъ; въ первые вѣка, когда невинность еще царила въ мірѣ, жолуди и вода удовлетворяли потребностямъ человѣка; римляне, выступая въ походъ, запасались небольшимъ количествомъ муки и сала, ибо воду надѣялись найти повсюду. До такого стѣсненнаго положенія ты, слава Богу, еще не дожилъ, у тебя не будетъ роскоши Сарданапала, но есть чѣмъ содержать семью по образцу Ксенократа, и Тотъ, кто питаетъ звѣрей и птицъ, не оставитъ васъ. Даже лучше, что твои дѣти выростутъ въ относительной бѣдности: такіе люди нерѣдко выходили къ славѣ, тогда какъ воспитанные въ нѣгѣ становились лѣнтяями, гордецами, никуда не годными. Вспомни измѣненность ассирійскихъ и египетскихъ царей, а съ другой стороны Давида и Митридата.

Что несчастіе посѣтило тебя въ старости, это то-же къ выгодѣ, ибо старость не можетъ быть долговѣчной, да она и хладнокровнѣе; обтерпѣлась къ страданіямъ и новыя переноситъ легче. Въ этомъ отношеніи судьба благопріятствовала тебѣ. Старость почтенна своими совѣтами; соединенная съ нею тучность дѣлаетъ ее сановитѣе. Бѣгать тебѣ не за чѣмъ, ты можешь себѣ сидѣть и отдыхать, отдаваясь своимъ мыслямъ, радуясь на дѣтей, въ которыхъ проснется со временемъ духъ ихъ предковъ, они еще будутъ утѣшеніемъ тебѣ, твоей надеждой, по смерти твоими мстителями. Что сказать о женѣ, твоей да и всеобщей тяготѣ ³⁾? Я ее не испыталъ, но полагаю, что выносить ее, если она дурная,

1) È in nome alcuna cosa, e in esistenza niuna. Сл. Petr. Canz. IV: un nome vano senza soggetto.

2) Cottardita.

3) Rammarico.

легче при бѣдности, чѣмъ въ счастіѣ, потому что какъ сорная трава роскошно растеть на жирной почвѣ, а на тучной хирѣеть, такъ бываетъ и съ неблагоустроенной душой; но у кого жена хорошая, цѣломудренная, доблестная, нѣтъ лучше ея утѣшенія въ несчастіи.— Слѣдуютъ примѣры дурныхъ (Елена, Клеопатра и др.) и добродѣтельныхъ женъ (Ипсикратея, Сульпиція и др.); къ нимъ принадлежитъ и твоя монна Джьованна.

Но перейду къ тому, что, по моему мнѣнію, наиболѣе тебя печалитъ въ твоёмъ изгнаніи. Сказывалъ мнѣ одинъ пріятель, что ты особенно оскорбленъ неблагодарностью согражданъ, не пожелавшихъ выслушать твоихъ законныхъ оправданій и изгнавшихъ тебя съ пятномъ безславія. Я понимаю, что ты объ этомъ горюешь: всякій доблестный дѣятель имѣетъ право надѣяться на снисхожденіе во имя своего прошлаго; ты изъ ихъ числа; но только достойные люди бываютъ предметомъ зависти, и ты можешь гордиться и найти утѣшеніе, припоминая опыты Тезея, Солона, Мильтіада и другихъ. Неблагодарность стара, какъ міръ, неизбежное переносится легче. Вопросъ о безславіи ядовитѣе, ибо всѣ мы естественно стремимся продлить память нашего имени, стараемся умножить и оберечь свою славу; кто объ этомъ не печется, тотъ неразумное животное, довлѣющее чреву. Но вѣдь ты сдѣлалъ все, чтобы охранить свою славу, предлагалъ оправдаться, не разъ писалъ о томъ начальствующимъ и частнымъ лицамъ, говоря, что твоя голова порукой твоей невинности. Для всѣхъ иныхъ, кромѣ безразсудныхъ флорентійцевъ, этого было-бы достаточно. Утѣшься тѣмъ, что ты невиненъ, упрямыми оказались судьи. Тебя беспокоитъ, что сосѣди, невольно введенные въ заблужденіе, повѣрятъ невѣжамъ; для твоего спокойствія достаточно признанія твоей невинности. Потому ободришь и заставь своими поступками раскаяться тѣхъ, кто судилъ о тебѣ криво. Вѣдь и мужи болѣе именитые, чѣмъ ты, бывали обезславлены (Сципіонъ Африканъ, Цезарь) и восторжествовали; и въ наши дни и въ нашемъ городѣ были люди, мыслью и дѣломъ стремившіеся къ испроверженію общественнаго строя, но привычка къ такого рода

переворотамъ и общее ожиданіе ихъ и давность были причиною того, что впоследствии мы видѣли тѣхъ людей въ числѣ власти имущихъ. Наконецъ, нареканія на Христа развѣ можно назвать—безславіемъ?

Еще разъ повторивъ вкратцѣ свои доводы, Боккаччо ободряетъ своего друга надеждой на Бога. Онъ, не судьба, приходилъ на помощь гонимымъ (Камилгъ, Алкивиадъ, Массинисса), такъ одному нашему скромному ¹⁾ гражданину, котораго я назвалъ бы по имени, еслибы онъ того стоилъ ²⁾; но дѣло это столь недавнее, что ты поймешь, о комъ идетъ рѣчь. Помнишь, что въ какіе нибудь одиннадцать мѣсяцевъ онъ былъ изгнанъ, объявленъ аристократомъ (у насъ это наказаніе, у насъ все навыворотъ, *si viamo gitrosi*), на него пала вся тяжесть нашихъ законовъ, и въ то время, какъ онъ всего менѣе ожидалъ милосердія, онъ изъ купца очутился не только воинномъ, но и военачальникомъ, получилъ гражданство съ большею торжественностью, чѣмъ заслуживали того его дѣла, сталъ изъ аристократа пополавомъ ³⁾ и удостоился высшей должности ⁴⁾ въ нашемъ городѣ. Кто можетъ знать тайныя рѣшенія судьбы! Божья благость безконечна, а нашъ городъ полонъ перемѣнъ, по слову поэта (Данте), что въ немъ до половины ноября не держится сотканное въ октябрѣ ⁵⁾.

Пожалуйста, не отвѣтъ мнѣ на все это нашей пословицей, что утѣшать легко, у утѣшителя голова вѣдь не болитъ ⁶⁾. Знаю и я, что дѣло выше, но всякій даетъ лишь то, что можетъ; а ты знаешь, что я въ состояніи сдѣлать.

Много говорилъ я о томъ, что, по моему мнѣнію, полезно въ твоёмъ положеніи, а теперь скажу кое-что и о моемъ собствен-

1) *Piccolo.*

2) *Se io delle mie lettere degno estimassi.*

3) *Plebeo.*

4) *Nostro maggior magistrato.*

5) *Ch'a mezzo novembre — Non giugne quel che tu d'ottobre fili, Purg. VI, 144—145.*

6) *A confortator non duole il capo.*

номъ. Согласно моему намѣренію, о которомъ я упомянулъ выше, я вернулся въ Чертальдо и здѣсь вжилъ, съ меньшими затрудненіями, чѣмъ предполагалъ; мнѣ начинаетъ нравиться и грубая одежда и крестьянская ѣда, и я спокоенъ, потому что не вижу честолюбивыхъ происковъ и противнаго мнѣ образа жизни моихъ согражданъ; я былъ бы и того счастливѣе, еслибъ ничего о нихъ не слышалъ. Вмѣсто того я созерцаю здѣсь поля, холмы и деревья въ зелени и цвѣту; все это естественно-просто, тогда какъ въ городѣ все искусственно; восхищаюсь пѣніемъ соловья и другихъ пташекъ, въ городѣ надоѣдало слышать день-деньской обманыхъ и безчестныхъ продѣлкахъ; а когда вздумается, мои книги къ моимъ услугамъ, и я безпрепятственно бесѣдую съ ними. Однимъ словомъ, мнѣ кажется, что, послалъ ли бы мнѣ Господь брата, или не послалъ¹⁾, я, смертный, наслаждаюсь здѣсь вѣчнымъ блаженствомъ.

Я хотѣлъ написать тебѣ письмо, а вышла цѣлая книга; я не извиняюсь, лишь бы унялись твои вздохи, пока ты будешь ее читать. Я соболѣзную Лукѣ и Андрею, какъ подобаетъ пріятелямъ въ несчастіи, и охотно бы утѣшилъ ихъ, еслибы зналъ, какъ; подбодри ихъ, сообщивъ имъ изъ моихъ увѣщаній, что ихъ болѣе касается. Я копчилъ и молю Бога утѣшить всѣхъ васъ.

IV.

Боккаччьо видимо успокоился въ бѣдной, но независимой обстановкѣ Чертальдо, на лонѣ природы и въ уединенномъ общеніи съ своими книгами²⁾, вдали отъ города и постылыхъ флорентинскихъ отношеній. Какія обстоятельства побудили его покинуть уединеніе и даже явиться общественнымъ дѣятелемъ —

1) *Se Dio m'avesse dato fratello o non me lo avesse dato*; сл. Decameron III, 8: *Se Iddio m'avesse dato marito o non me lo avesse dato* = пер. I, стр. 246: если бы Господь даровалъ мнѣ настоящаго мужа, или не даровалъ вовсе. Сл. выше т. I, стр. 382.

2) Сл. Gen. Deor. XIV, 11 и выше т. I, стр. 509—10; II, 417.